

УДК 821.111-311.1  
ББК 84(4 Вел)  
С42

Emily Wibberley, Austin Siegemund-Broka  
IF I'M BEING HONEST

Публикуется с разрешения автора и ее литературных агентов,  
Triada US Literary Agency, (США) при содействии  
Агентства Александра Корженевского (Россия)

**Уибберли, Эмили, Сигмунд-Брока, Остин.**  
С42 Сказать по правде : [роман] / Эмили Уиббер-  
ли, Остин Сигмунд-Брока ; пер. с англ. О. Бурма-  
ковой. — Москва : Издательство АСТ, 2020. —  
384 с. — (Молодежный роман).

ISBN 978-5-17-120501-0

Репутацию Кэмерон Брайт можно выразить одним словом: стерва. Неудивительно, что она королева «дрянных девчонок» и привыкла всегда получать желаемое. Но даже у таких, как она, есть слабости. Эндрю — ее первая настоящая любовь и восходящая звезда футбольной команды. А еще он не хочет иметь с Кэмерон ничего общего.

Чтобы завоевать красавчика, нужно «приручить» себя, извинившись перед всеми, кого она обидела. Даже перед Бренданом, чья жизнь практически пошла под откос. Но что, если на самом деле любовь, которую Брайт заслуживает, не требует таких жертв?

**УДК 821.111-311.1**  
**ББК 84(4 Вел)**

ISBN 978-5-17-120501-0

Copyright © 2019 by Austin Siegemund-Broka  
and Emily Wibberley  
© О. Бурмакова, перевод на русский язык  
ООО «Издательство АСТ», 2020

*Строптивым,  
которых не укротить*

## *Глава 1*

— СТЕРВА, — шепчет Отем Кэри у меня за спиной. Наверное, я это заслужила тем, что осмелилась обогнать ее и первой войти в двери столовой. Я подрезала ее, пока она изучала свое отражение в камере телефона, пытаюсь решить, не зря ли отрезала челку. Зря. В глубине души мне хочется развернуться и сказать Отем, что я не могу ходить за ней гуськом все время обеда, но я сдерживаюсь.

Вместо этого склоняю голову ровно настолько, чтобы дать Отем понять: я ее услышала, но это не волнует меня настолько, чтобы отвечать. У меня есть свои дела. Отем не так интересна, чтобы удержать мое внимание, а тем словом меня называли слишком часто (и тем же шепотом), поэтому оно перестало задевать. По крайней мере, когда оно звучит из уст таких девиц, как она. Здесь это популярное мнение. «Кэмерон Брайт — стерва».

Я распахиваю дверь и выхожу на улицу. Солнце играет на струях фонтана в середине двора, окруженного низкими кустами и обеденными столами. Температура под миллиард градусов, потому что сейчас сентябрь, когда в Лос-Анджелесе царит апокалиптическая жара. Я направляюсь к лестнице на патио второго этажа, расположенного под крышей из красной

черепицы с кремовыми арками, — школа построена в стиле испанской миссии.

Я замечаю, что в мою сторону поворачиваются головы. Девочки смотрят на меня наполовину с восхищением, наполовину с обидой; мальчики заинтригованы. Надо сказать в их защиту, что я понимаю — я... горяча. Я блондинка от природы, и у меня тело, которое получается, только если пробегать по шесть миль в день.

Десятиклассница пялится на меня через перила с нескрываемым интересом человека, который не знает, что его заметили. Я бросаю ей взгляд — «Что-то не так?» — и она отводит глаза, а ее щеки краснеют.

Я популярна. Не знаю, почему. Едва ли я единственная сексуальная девчонка в школе. Дело не в том, что я богата. Да и, к слову, это не так. Богат мой отец, но он переехал в Филадельфию в тот же год, когда я родилась, не без причины, конечно. Он присылает чек, покрывающий стоимость моего образования, оплату маминой квартиры и больше ничего. И мне не приносит популярность то, что мои родители получили «Оскар», или выступали на переполненных стадионах, или спали со Стивеном Тайлером. Мою маму можно считать актрисой, но только из числа никому не нужных, третьесортных. Она играла в паре рекламных роликов и в театральных постановках, когда я ходила в начальную школу. С тех пор она катится по наклонной: смотрит мыльные оперы и сидит в интернете.

Честно говоря, на фоне одноклассников во мне нет ничего интересного. Бомонт Преп — лучшая и самая дорогая школа на западном побережье — полна детей богачей и знаменитостей. Актрис, предпринимателей, спортсменов, музыкантов.

И среди них — я. Я живу в сорока минутах от них, в Корея-Таун. Езжу на «тойоте», которая, по-моему, сделана раньше, чем Клинтон стал президентом. Я не законодатель моды и не выкладываю в инстаграм фото, которые собирают тысячи лайков по всему миру.

Но я популярна. Это невозможно отрицать, в этом не стоит сомневаться.

Я нахожу наш обычный стол, с видом на двор. Все знают, что патио второго этажа принадлежит нам; оттуда лучший вид для нас и на нас. Пока там никого нет, так что у меня есть время достать блокнот и набросать короткий список, чтобы упорядочить мысли.

### **Задачи на 8.09**

- *Написать рецензию на эссе для Уортона*
- *Оздоровительная пробежка*
- *Домашнее задание по экономике*

Я уверена, что есть четвертый пункт; пытаюсь его вспомнить, но не получается. Я использую списки, чтобы снять напряжение, а нервничать начинаю, если мне кажется, что дела не распланированы и все выходит из-под контроля. Именно так я себя чувствую сейчас, пытаюсь вспомнить последнюю задачу на сегодня...

— Ты могла бы сегодня прийти ко мне, — воркует противный мужской голос, гарантированно принадлежащий Джеффу Митчелу. Две сумки бросают на стол у меня за спиной.

Я закатываю глаза, когда женский голос отвечает:

— Ты не идешь на вечеринку Ребекки?

Женский голос — застенчивый и явно игривый. Я морщусь. Джефф Митчел ужасен. Богатый, избалованный и привлекательный ровно настолько, что-

бы быть невыносимо заносчивым. Он получает одни двойки, курит травку вместо занятий и любит производить впечатление на девушек, «угощая» их ужинами за пять сотен долларов в папочкинском ресторане.

— Не пойду, если ты ко мне придешь, — отвечает Джефф. Я слышу шуршание ткани, выдающее физический контакт. Не хочу знать, в чем он заключался. Мне нужно закончить список, но не получится, если позади будет продолжаться *это*.

Скрипнув зубами, я разворачиваюсь к парочке.

Джефф усмехается, вздернув воротник и положив одну руку на колено, обтянутое белыми джинсами, принадлежащее Бетани Бишоп. Той самой Бетани, которой разбивали сердце практически все известные идиоты Бомонта, включая тупых богачей и спортсменов-донжуанов. У меня нет ни времени, ни желания наблюдать, как этот пересечет финишную черту.

— Серьезно? — Я медленно перевожу взгляд на Бетани. — Теперь ты флиртуешь с *ним*?

Та краснеет и отвечает возмущенным взглядом.

— Твоего мнения никто не спрашивал.

— Тебя только что бросили. — Я пропускаю ее слова мимо ушей. — Об этом знала вся школа. Ты *неделями* рыдала до соплей возле шкафчика. У меня нет ни малейшего желания снова наблюдать это каждый день по дороге на этику, а Джефф куда хуже, чем твой бывший.

— Эй, — влезает Джефф. Я перевожу на него гневный взгляд.

— А что касается тебя... — Я снова поворачиваюсь к Бетани. — Честно, ты неплохо выглядишь. Конечно, гардероб стоило бы освежить и смех у тебя ужасно раздражающий. Но с учетом всех обстоятельств, по меркам Бомонта, ты тянешь на шесть с половиной.

А Джефф, — я машу в его сторону рукой, — на двойку. Ты можешь найти парня куда лучше, — убеждаю я.

Бетани хватает сумку.

— Пошла ты, Кэмерон! — Она возмущенно удаляется, не понимая, какую большую услугу я ей оказала.

Никто этого не понимает. Когда люди не называют меня *стервой*, то говорят, что я чересчур честная. Я знаю. Прекрасно знаю. Когда растешь с таким отцом, как у меня, который сопровождал каждый редкий визит и телефонный звонок на протяжении всего моего детства прямолинейными комментариями, это становится инстинктом. И ведь он никогда не ошибается, даже если его слова причиняют боль. А они причиняют — я знаю, что он сволочь. Но он — успешная сволочь, владелец одной из 500 крупнейших компаний в США с пентхаусами на двух континентах. После каждой его критики я могла увянуть и чувствовать себя неудачницей — или принять вызов и стать лучше. За это я всегда ценила его честность.

Бетани, очевидно, со мной не согласна.

— Какого черта? — раздраженно спрашивает Джефф. — Бетани стопроцентно дала бы мне. Ты моя должница.

— Ну конечно. Это *ты* мне должен за десять минут моей жизни, которые уже не вернуть.

Он смеряет меня взглядом, и выражение его лица меняется. От поднятых бровей меня начинает тошнить.

— Я бы дал тебе десять минут, — говорит он тоном, который, вероятно, считает соблазнительным.

— Лучше сдохнуть.

— Блин, Кэмерон, — раздражается он, — тебе нужно расслабиться. Сделай миру услугу, трахнись

уже! Если ты так и будешь изображать снежную королеву, однажды не останется парней, которые на тебя клюнут.

— Главное, чтобы тебя не стало раньше. Чем скорее этот разговор закончится, тем лучше.

— Ты ведь это не всерьез. Кстати, придешь сегодня в «Скару»? Я там буду. Мы могли бы...

Но я не слышу мечты Джеффа Митчела о том, чем мы могли бы заняться вечером, потому что его предложение, хотя и всесторонне отвратительное, напоминает мне, чего в моем списке не хватает. Я возвращаюсь к блокноту и продолжаю:

- *Узнать, идет ли футбольная команда в «Скару».*

Может, я известна в кампусе как «снежная королева», но мне недолго ею оставаться. Если, конечно, один член футбольной команды придет в ночной клуб в Северном Голливуде, где одна из чирлидерш сегодня устраивает большую вечеринку.

— Ты меня вообще слушаешь? — ноет Джефф, требуя моего внимания.

— Конечно нет. — Я поднимаю голову как раз вовремя, чтобы увидеть приближение двух моих лучших друзей. Эль Ли смеряет Джеффа взглядом, полным такого чистого отвращения, что слова не нужны. Джефф хватает свой рюкзак и наконец убирается прочь. Клянись, у нее дар.

— Разрешите понюхать? — В голосе Эль звучит характерное раздражение. Она падает на сиденье напротив от меня, уже совершенно забыв про Джеффа. Я закрываю блокнот, пока они с Морган ставят свои подносы с обедом на стол.

Ослепительные белокурые волосы Морган заплетены в замысловатую косу. На ней платье от Dolce & Gabbana, но Морган Ле-Клер даже в спортивных штанах могла бы выглядеть кинозвездой. Потому что она, в сущности, и есть кинозвезда. Ее мама — музыкальный продюсер, и Морган всю жизнь тусуется с Дональдами Гловерами и Деми Ловато этого мира. В десять лет она решила, что хочет стать актрисой, и год назад ее агент начал подбирать ей роли в местных инди-фильмах. Она сидит рядом с Эль со скучающим видом, и у меня складывается впечатление, что она слышала первую половину нытья Эль по пути из столовой.

Эль взбивает короткие блестящие черные волосы пальцами с идеальным маникюром. Ее рост не дотягивает даже до 160 сантиметров, однако все — включая учителей — сходятся на том, что она — самый грозный человек на кампусе.

Поэтому я не собираюсь ее перебивать.

— Разрешаю, — говорю я с величественным взмахом руки.

— Мисс Мелани<sup>1</sup> получила спонсорство от «Сефоры»<sup>2</sup>, — вскипает Эль настолько, что становится заметен ее британский акцент. До десяти лет она росла в Гонконге, и английскому ее учили дорогостоящие частные репетиторы. — Я сняла множество видеороликов про их контур для губ. Я даже сняла закупочное видео, для которого потратила семь сотен собственных денег на косметику, которая мне не нужна! Я писала их главе электронной рекламы имейлы с поцелуями в попку — и все только для того, чтобы они пошли к такой идиотке, как Мисс Мелани, которая путает в комментариях «-тся» и «-ться»!

---

<sup>1</sup> Miss Melanie (англ).

<sup>2</sup> Sephora (англ).



Эллен Ли, которую 15 миллионов подписчиков на «Ютубе» знают как Elli, еженедельно выкладывает мастер-классы по макияжу, которые входят в число лучших по количеству просмотров. Каждую неделю она создает и демонстрирует образ для любой цели — от новогодней вечеринки до похорон. Она дважды попадала в список «Самых высокооплачиваемых звезд Ютуба» от *Forbes*.

Несмотря на мое полное и абсолютное отсутствие интереса к косметике или популярности в интернете, мы с Эль удивительно похожи. Она — единственный известный мне человек, который понимает, насколько безрассудны и легкомысленны 99 процентов людей в нашей школе. Эль непоколебимо честна и пойдет на что угодно, чтобы достичь своих целей. Вот почему мы неразлучны.

И вот почему я знаю, что она выдержит небольшую демонстрацию характера в ответ.

Я отвечаю ей ироничным взглядом:

— Ты же знаешь, что говоришь так, словно тебе все должны?

Эль едва удосуживается на меня посмотреть.

— Разумеется, — говорит она, скрывая улыбку. — «Сефора» *должна* спонсировать меня за активную работу, а ты *должна* слушать мое нытье и не жаловаться, потому что я приходила на все твои нескончаемые гонки по пересеченной местности.

Честно говоря, это правда. Эль и Морган приходили практически на каждую гонку, которую я могу вспомнить. Часто на трибунах за меня болеют только они. В первый раз они приходили, когда я была в девятом классе и пригласила отца, потому что он случайно приехал в город очаровывать инвесторов перед грядущим предложением акций. Я размечталась, что он

придет и увидит, как я выигрываю. Когда я пересекла финишную черту, его не было — но были Эль и Морган. Их присутствие оказалось для меня сюрпризом, и только это спасло меня от того, чтобы окончательно пасть духом.

— Вы обе ужасны, — говорит Морган, качая головой. — Не понимаю, почему я с вами вообще дружу.

Нам с Эль не нужно обмениваться взглядами. Мы одновременно набрасываемся на Морган.

— Ты отличница, ты добрая, у тебя крутые богатые родители... — начинаю я.

— Ты актриса и красавица, — продолжает Эль.

— Ты слишком совершенна, — добавляю я.

— Никто, кроме нас, не справится с тем, чтобы с тобой дружить.

Морган закатывает глаза и краснеет.

— Вы совершенно ужасны.

— Но ты нас любишь, — пожимаю плечами я.

— Тут можно поспорить, — подмигивает она в ответ и достает телефон, вероятно, чтобы написать своему бойфренду Брэду.

Я замечаю время на ее экране. Черт. Осталось десять минут обеденного перерыва. Мне нужно отдать рецензию на эссе и забрать свою из Центра колледжа и карьеры. Я засовываю блокнот в сумку и встаю.

— Морган, — я вспоминаю последний пункт в списке дел, — спроси Брэда, может, он знает, придет ли сегодня в «Скару» футбольная команда?

На мне немедленно останавливаются две пары глаз. Знаю, этого и следовало ожидать.

— Почему тебя интересует футбольная команда? — спрашивает Эль. — Ты же не собираешься завершить два года одиноких вечеров пятницы, переспав с кем-нибудь?

— Что дурного в том, чтобы просто посмотреть на витрины? — легко отвечаю я, забрасываю сумку на плечо и ухожу от допроса.

Я направляюсь в Центр колледжа и карьеры. Проходя мимо фонтана во дворе, я подчеркнуто игнорирую Отем Кэри и ее друзей, которые как один гневно смотрят в мою сторону. Меня это не волнует. Если бы каждый подобный взгляд, который я заслужила или получила незаслуженно, меня беспокоил, я бы утонула в осуждении.

Я ускоряю шаг, чтобы успеть пересечь кампус и забрать свое эссе. Центр колледжа и карьеры разбивает старшекласников на пары, чтобы они писали друг другу рецензии на эссе для поступления в колледж. К сожалению, это обязательно, насколько бы мне ни было безразлично мнение одноклассников на мои перспективы продолжения образования. Мне в партнеры досталась Пейдж Розенфельд, поразительно странная девица, но, к счастью, мне не нужно с ней разговаривать. В эссе она писала о том, как не может помочь однокласснику, которого травят, и я оставила только пару замечаний. Погружение в личную жизнь Пейдж далеко от первого места в числе моих приоритетов.

Куда больше меня волнует *мое* эссе. Оно должно быть идеальным. Я все лето работала над черновиком, который сдала в ЦКК. Писала, переписывала, редактировала. Я даже попросила Брэда, бойфренда Морган, который собирается последовать по стопам отца в Гарвард, отредактировать его и разрешила быть жестким — насколько Брэд на это способен.

Потому что мне нужно, чтобы оно было готово, отшлифовано и идеально к первому ноября. Это крайний срок подачи заявления на ранний прием в школу Уортон при Университете Пенсильвании.

Там учился мой отец. Хотя мы никогда не жили вместе, хотя наши отношения явно дисфункциональны, я давно хотела учиться там же, где и он. Если меня примут, он будет знать, на что я способна. Если меня примут, Ю-Пенн будет нас объединять.

Я вхожу в Центр колледжа и карьеры за несколько минут до конца обеда. Он пуст, и я пересекаю чересчур чистую комнату с ковром на полу в направлении ученических почтовых ящиков. Бросаю эссе Пейдж в ее ящик, а потом перехожу к своему. Сверху лежит конверт с комментариями Пейдж к моему эссе. Я топорливо разбираю страницы и начинаю просматривать заметки красными чернилами на полях.

Их... много. Сердце сжимается, а потом бьется сильнее. Я не собиралась переживать из-за комментариев Пейдж Розенфельд, но когда видишь такое, игнорировать трудно.

Я открываю последнюю страницу, на которой Пейдж, оказывается, оставила финальную записку. Я заставляю себя сосредоточиться на каждом предложении, несмотря на то, что предпочла бы игнорировать их все.

*Все это выглядит очень неискренне. Кто угодно смог бы написать такое эссе, погуглив пару раз Ю-Пенн. Здесь нет тебя. Какой бы ни была причина, по которой ты хочешь там учиться — просто скажи ее. Попробуй найти немного страсти и начни заново.*

Я хмурюсь. Кто такая эта Пейдж, чтобы говорить мне про искренность? Она меня не знает. Не то чтобы ее эссе можно считать блестящим. Если бы мне не было все равно, я бы тоже могла написать ей записку с критикой банального выбора темы и чересчур драма-

тичных описаний. В Бомонте вряд ли есть проблемы с травлей.

Читать такие комментарии к тексту, которым я гордилась, стыдно. Однако хуже всего то, что я знаю: она права. Я настолько погрузилась в попытки изобразить профессионализм, что не коснулась ничего личного.

Но я отказываюсь впадать в уныние. Я не такая, как Бетани. Если бы меня можно было сломить резкими словами, я бы уже давно сдалась. Я перепишу эссе и поступлю в Ю-Пенн.

В сумке вибрирует телефон. Я рефлексивно достаю его и вижу сообщение от Морган.

«Футбольная команда придет. Посмотрим,  
что ты задумала...»

Слегка улыбнувшись, я закрываю свое эссе и кидаю в сумку. Мои мысли уже заняты сегодняшним вечером.

## *Глава 2*

Я опаздываю в «Скару», потому что на Хайлэнде в пятницу вечером много машин и мне приходится полчаса искать место для парковки, потому что я не хочу платить семнадцать долларов за гараж. Клуб находится на верхнем этаже огромного торгового центра на Голливудском бульваре, среди высоких многоквартирных домов и кинотеатров в стиле «ар-деко». Мне приходится лавировать среди туристов, болтающих на языках, которые я не могу распознать, и фотографировать Аллею славы.

Наконец я добираюсь до входа, и вышибала впускает меня внутрь. Обычно в клуб пускают только тех, кому уже есть двадцать один, но сегодня отец Ребекки Дорси снял весь клуб для ее дня рождения. Конечно, они не станут подавать нам алкоголь, но люди творчески подходят к вопросу и находят способы поднять содержание алкоголя в крови.

Я сразу вижу его в мигающем свете.

Прислонившись к бархатному дивану на краю танцплощадки, он смеется вместе с остальной футбольной командой. Выглядит как воплощение абсолютной беззаботности и... сексуальности. Он высокий, сложен как положено школьному спортсмену, а блеск его улыбки можно заметить из другого конца клуба.

Я смотрю, как он поднимает руку, чтобы потереть затылок, и край его командной футболки-поло поднимается, открывая полоску темной кожи выше ремня. Симпатичную, манящую полоску кожи.

Это мой момент. Нужно только подойти к нему, присоединиться к разговору, а потом отвести его туда, где мы останемся вдвоем.

Но я не могу.

Музыка неприятно стучит в ушах. Я даже не могу пройти дальше безвкусной скульптуры у входа.

Я целый год этого хотела. Планировала. Почему я не могу это сделать? Возможно, я разучилась флиртовать. Я два года отвергала парней, втайне все больше влюбляясь в этого. Что, если я забыла, как играть в эту игру?

Я вижу, как он закатывает глаза в ответ на очередную глупость, которую говорит Патрик Тодд, и знаю, что будет потом. Его брови резко поднимаются, как всегда случается, когда он готовит одну из своих непринужденных ответных шуток. Он восхитительно прямолинеен.

Это было первым, что мне полюбилось в Эндрю Ричмонде. Даже когда он только появился в Бомонте, я заметила его невозмутимость и чувство юмора. Наша дружба развивалась, потому что мы оба были не на своем месте среди наших богатых и гламурных одноклассников. У Эндрю имелась дополнительная сложность — он черный в нашей преимущественно белой школе. По той или иной причине мы оба начали свой путь в Бомонте, ощущая себя чужаками.

Я разговаривала с ним тысячи раз, но ни разу — в этом контексте. Даже плохие фразы для съема не приходят в голову. Мне нужна помощь.

Ощущая, как бьется сердце от досады, я осматриваю танцплощадку в поисках друзей. Люди, которых